

Северокавказские мигранты в Санкт-Петербурге: специфика адаптации в мегаполисе

Ирина Викторовна Стародубровская (irinavstar@gmail.com), Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Россия.

Даниил Андреевич Ситкевич (dasitkevich@gmail.com), Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

North Caucasian migrants in St. Petersburg: distinctive features of adaptation in a metropolis

Irina Starodubrovskaja (irinavstar@gmail.com), Gaidar Institute for Economic Policy, Russian Academy for National Economy and Public Administration, Russia.

Daniil Sitkevich (dasitkevich@gmail.com), Russian Academy for National Economy and Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Russia.

Резюме: Статья посвящена проблематике адаптации мигрантов в мегаполисе на примере северокавказской миграции в Санкт-Петербург. Основное внимание обращается на культурные аспекты адаптации. В работе использованы подходы, характерные для концепции стратегий аккультурации Джона Берри, теорий сегментной ассимиляции и транснационализма (транслокальности). Информационной базой статьи послужило полевое исследование, проведенное в Санкт-Петербурге в 2022 г. Выявлено, что культурная дистанция между отправляющим и принимающим сообществами и такие особенности городской культуры, как ее гетерогенность, индивидуализм, автономность личности, существенно влияют на процессы аккультурации. Столкновение с новыми культурными паттернами является важным фактором миграционного шока и создает у мигрантов первого поколения стимулы к сепарации – стремлению замкнуться в привычной культурной среде. Стратегия интеграции в этом поколении выявлена в первую очередь у студентов. Аккультурация происходит также через городские субкультуры, в частности исламскую. Культурная специфика мегаполиса предопределяет и наличие межпоколенческого разрыва между первым и вторым поколениями мигрантов. В отсутствие системной дискриминации второе поколение северокавказских мигрантов с малолетства воспринимает городские культурные паттерны и органично в них встраивается. В этом поколении распространены такие стратегии аккультурации, как интеграция и ассимиляция. Транслокальность сохраняется у северокавказских мигрантов любого поколения и оказывает воздействие на процессы аккультурации. При этом часть мигрантов постепенно отдаляется от отправляющего сообщества, и уже его рутинные нормы, а не культура мегаполиса, начинают восприниматься как чуждые.

Ключевые слова: миграция, адаптация мигрантов, аккультурация, транслокальность, Северный Кавказ, Санкт-Петербург.

Финансирование: Статья отражает результаты исследований, выполненных в рамках НИР государственного задания Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

Для цитирования: Стародубровская И.В., & Ситкевич Д.А. (2023). Северокавказские мигранты в Санкт-Петербурге: специфика адаптации в мегаполисе. Демографическое обозрение, 10(3), 43-61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17969>

Abstract: The article discusses the issue of migrants' adaptation in a metropolis, using the example of North Caucasian migration to St. Petersburg. We focus on the cultural aspects of adaptation using some of the approaches typical for John Berry's concept of acculturation strategies as well as the theories of segmented assimilation and transnationalism (translocality). The empirical basis of the article is a field study conducted in 2022. It was found that the cultural distance between the migrant sending and receiving communities and such features of urban culture as its heterogeneity, individualism, and individual autonomy significantly affect the processes of acculturation. The encounter with new cultural patterns is an important factor of migration shock. It also creates incentives for separation (the desire to withdraw into a familiar cultural environment) in first-generation migrants. It was also discovered that the integration strategy in this generation of migrants is mostly found among students.

Acculturation also takes place through urban subcultures, in particular an Islamic one. The cultural specifics of the metropolis also determine the existence of an intergenerational gap between the first and the second generations of migrants. In the absence of systemic discrimination, the second generation of North Caucasian migrants perceives urban cultural patterns and organically integrates into them from their early childhood. Integration and assimilation are among the common acculturation strategies in this generation. Translocality characterizes North Caucasian migrants of any generation and influences acculturation processes. However, some of the migrants gradually become estranged from their migrant sending community, and it is its routines and norms, not those of the receiving community, that come to be seen as alien.

Keywords: migration, migrant adaptation, acculturation, translocality, North Caucasus, St. Petersburg.

Funding: The article reflects the results of research carried out as part of the research work of the state task of Gaidar Institute for Economic Policy.

For citation: Starodubrovskaja I., & Sitkevich D. (2023). North Caucasian migrants in St. Petersburg: distinctive features of adaptation in a metropolis. *Demographic Review*, 10(3), 43-61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17969>

Введение

Академическая литература, посвящённая миграционным проблемам, объёмна и разнообразна. Однако процессы миграции как один из ключевых факторов, определяющих лицо современного мира, продолжают интересовать исследователей. При этом основное внимание обращается на внешнюю миграцию, источниками данных в большинстве случаев служат статистика и количественные опросы, а характеристики мигрантов и процессы их адаптации рассматриваются преимущественно в разрезе государств без учёта внутривосточных различий.

В данной работе использованы подходы к анализу, отличные от доминирующих.

Во-первых, объектом исследования являются внутренние мигранты – переселенцы из республик Северного Кавказа. Это категория мигрантов, не сталкивающаяся с бюрократическими проблемами, связанными с получением необходимых для пребывания в стране и разрешения на работу документов, и обычно не имеющая серьёзных языковых трудностей. В то же время она обладает яркой культурной спецификой, что выдвигает культурные аспекты адаптации (не связанные с языковыми проблемами) на первый план и позволяет анализировать их без искажающего влияния других факторов.

Во-вторых, в основе работы лежат результаты полевого исследования, осуществленного в Санкт-Петербурге в 2022 г, затронувшего дагестанское, чеченское, осетинское и ингушское мигрантские сообщества. Всего исследованием было охвачено 86 информантов в рамках индивидуальных и коллективных интервью и групповых дискуссий. Подавляющее большинство опрошенных составляли дагестанцы, среди информантов также были 14 осетин, 9 ингушей и 2 чеченца. Кроме того, было проведено 5 экспертных интервью и несколько включённых наблюдений. С некоторыми информантами было организовано по несколько встреч. В целом в рамках исследования был соблюден поколенческий и гендерный баланс. В то же время авторы статьи столкнулись с проблемой обеспечения многообразия входов в поле: на начальном этапе информантов рекрутировали через этнические организации, и затем «оторваться» от этого источника оказалось достаточно трудно. Для решения данной задачи были мобилизованы контакты в самих северокавказских республиках, что позволило обеспечить большее разнообразие информантов, в частности, выйти на малоквалифицированных мигрантов и охватить больше мигрантов второго поколения (с включением которых в исследование также возникли сложности).

В-третьих, в настоящем исследовании специфика принимающего сообщества играет принципиальную роль. Речь идет об адаптации мигрантов в Санкт-Петербурге, причем Петербург в данном случае интересен не сам по себе, а как пример мегаполиса. То есть основное внимание обращается на те аспекты встраивания мигрантов в новую среду, которые определяются размерами и культурными особенностями городского сообщества, характерными для крупных, глобальных городов. Подобным сообществам свойственны индивидуализм и автономность личности, гетерогенность норм и образов жизни. Процессы адаптации в этих условиях могут существенно отличаться от ситуации в более мелких городах или в сельской местности. В то же время необходимо отметить, что принимающее сообщество в статье рассматривается сквозь призму восприятия мигрантами. Отдельных исследований его представителей в ходе данной работы не проводилось.

Таким образом, наша статья ставит своей целью ответить на исследовательский вопрос о специфике адаптации мигрантов в мегаполисе. В первую очередь акцент делается на культурных аспектах адаптации. Информационной базой являются качественные данные, полученные в ходе полевого исследования в Санкт-Петербурге.

Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в мегаполисах

Если рассматривать культурные аспекты адаптации, на которых делается основной акцент в настоящей статье, теория Джона Берри (Berry 1992; 2001; 2019), является наиболее распространённым подходом к их исследованию. Для недоминирующих культурных групп (тех же мигрантов) Берри выделял четыре стратегии аккультурации в зависимости от того, стремятся ли они поддерживать доставшиеся им в наследство культуру и идентичности либо предпочитают участвовать в жизни принимающего общества и контактировать с его представителями:

- ассимиляция: отсутствует стремление поддерживать собственную культурную идентичность, предпочтение отдаётся активному взаимодействию с другими культурами;
- сепарация: желание избежать контакта с другими культурами и поддерживать ценности собственной культуры;
- интеграция: и сохранение собственной культуры, и контакт с другими культурами представляют интерес;
- маргинализация: сохранение собственной культуры не является ценностью, но отсутствует и стремление к культурному контакту.

Берри отмечает, что различные стратегии формируют разные предпосылки для успешной адаптации. Наилучшие условия создаёт стратегия интеграции, наихудшие – стратегия маргинализации, ассимиляция и сепарация обеспечивают промежуточные результаты.

В то же время недоминирующие группы не полностью свободны в выборе стратегии аккультурации, они зависят в том числе и от установок доминирующей культурной группы. Берри также выделяет здесь четыре стратегии. Если эта группа ориентирована на ассимиляцию недоминирующих групп, такая стратегия названа им «плавильный котёл» (превращающийся в «скороварку», если ассимиляция жестко навязывается). Когда доминирующая группа требует и реализует на практике сепарацию – это стратегия сегрегации. Маргинализация, навязываемая доминирующей группой, превращается в эксклюзию. Наконец, когда поддержание культурного многообразия является целью общества – это мультикультурализм, и он необходим для реализации стратегии интеграции.

Берри связывает адаптацию также с тем, как представители недоминирующих групп реагируют на культуру доминирующей группы. С этой точки зрения он разделяет два типа изменений, связанных с аккультурацией (Berry 2006): те изменения, которые происходят достаточно легко в ходе освоения новой культуры и оставления элементов старой (Берри использует термин «линька»), и те изменения, которые вызывают аккультурационный стресс у групп и их отдельных членов, связанный со столкновением различных культурных ценностей и конфликтами между людьми.

На кризисные моменты адаптации мигрантов обращали внимание и другие исследователи, называя их по-разному: миграционный шок, острая фаза адаптации. Обычно подобные периоды возникают на первоначальных этапах миграции, хотя они возможны и в другие периоды.

Теория Берри активно используется при проведении количественных исследований как в России (Лепшокова 2020), так и за рубежом (Berry et al. 2006). В соответствии с подобными исследованиями наиболее распространённой среди мигрантов стратегией аккультурации является интеграция.

Появившаяся в 1990-е теория сегментной ассимиляции (Portes, Zhou 1993; Zhou 1997; Portes, Rumbaut 2001) привела к развитию представлений об аккультурации мигрантов по меньшей мере в двух аспектах. Во-первых, она подчеркнула межпоколенческие различия в этом процессе. Во-вторых, она сконцентрировалась на гетерогенности самой доминирующей культуры, выявив в ее рамках не только мейнстрим, но и другие сегменты, в частности контркультуры, отрицающие доминирующие ценности и способные привести к нисходящей мобильности второго поколения мигрантов. Дискуссии вокруг этой теории привели к расширению спектра рассматриваемых сегментов, а именно включили в анализ не только контркультуры, но и субкультуры, нормы и ценности которых не противостоят мейнстриму, но существенно от него отличаются (Lacy 2004; Silberman, Alba, Fournier 2007; Vermeulen 2010).

Наконец, теория транснационализма (и близкие к ней теории трансмиграции, транслокальности) обратили внимание на то, что мигранты не принадлежат полностью культуре принимающего общества, но являются частью транслокальных и транснациональных сетей, объединяющих их с отправляющим обществом и другими группами мигрантов в обществе (Schiller, Basch, Blanc-Szanton 1992; Vertovec 1999; Brickell, Datta 2011; Tedeschi, Vorobeva, Jauhiainen 2020). В рамках этих сетей осуществляется взаимное культурное влияние. Также подобные связи создают для мигрантов стратегии, альтернативные включению в культуру принимающего общества, поскольку они основаны на взаимодействии с остающимися на родине и с другими выходцами с той же территории (Portes, Guarnizo, Landolt 1999).

Исследования адаптации инокультурных мигрантов в российских городах подтверждают многие положения рассмотренных выше теорий. В основном эти исследования сосредоточены на внешних мигрантах, однако внутренние мигранты, в том числе и с Северного Кавказа, также включаются в анализ (Мукомель 2015; Капустина 2019; Лепшокова 2020). Среди мегаполисов наибольшее внимание обращается на московскую агломерацию, однако анализ постепенно распространяется и на другие крупные города (Варшавер и др. 2020), в том числе и на Санкт-Петербург (Руденко 2011; Баранова, Федорова 2017). Основные представляющие интерес для настоящей работы выводы можно свести к следующим:

- доминирующим направлением миграции в российские мегаполисы является трудовая (Зайончковская 2013; Denisenko 2017), образовательная миграция также распространена, но она носит в первую очередь внутренний характер (Кузнецова 2019);
- для организации переезда и обустройства в городе внешние мигранты активно используют этнические сети (Варшавер, Рочева 2014; Demintseva 2017);

- «мигрантские гетто» для российских городов не характерны (Вендина 2004; Demintseva 2017), при этом выделяются районы повышенной концентрации мигрантов, в первую очередь в местах с дешевым жильем и рядом с рынками (Вендина, Панин, Тикунов 2019; Варшавер и др. 2020). В этих районах начинает складываться этническая инфраструктура (Пешкова 2015);
- мигрантам приходится сталкиваться с ксенофобией и дискриминацией (Veterinarov, Ivanov 2018; Bessudnov, Shcherbak 2020), хотя в последнее десятилетие количество преступлений на почве ненависти снижалось;
- для мигрантов в мегаполисе характерен феномен транснационализма (транслокальности): они сохраняют связи с домом, подчиняются господствующим там нормам и прикладывают усилия для поддержания там своего статуса (Абашин 2016; Капустина 2019);
- дети мигрантов в основном концентрируются в школах с низкими образовательными результатами (Александров, Баранова, Иванюшина 2012). Их адаптации препятствует также частая смена образовательных учреждений и временные возвращения в страну выбытия (Баранова 2012).

Как показывают имеющиеся работы, в основном вышеперечисленные характеристики применимы и к мигрантам с Северного Кавказа. В то же время проблема «второго поколения» для данной группы мигрантов нетипична (Казенин, Стародубровская 2021; Ярков 2013).

Представленные ниже результаты исследования частично подтверждают рассмотренные выводы, частично вступают с ними в противоречие. И это позволяет по-новому взглянуть на процессы адаптации северокавказских мигрантов в российских мегаполисах.

Миграция с Северного Кавказа в Санкт-Петербург – общая характеристика

Основанный на бывших шведских землях в ходе Северной войны в 1703 г., Санкт-Петербург с самого начала своего существования фактически стал городом мигрантов. Превращение его в имперскую столицу интенсифицировало миграционные процессы, население Петербурга характеризовалось высокой гетерогенностью, этническим и конфессиональным разнообразием (Юхнева 1984). Потрясения начала XX века, радикально изменившие структуру населения города, а также ассимиляционные процессы в позднесоветское время привели к усилению гомогенности горожан (Винер 1998). В формировании современного облика города ключевую роль играют миграционные процессы в первую очередь постсоветского периода (Винер, Тавровский 2009).

Какое место в постсоветской миграции занимают выходцы с Северного Кавказа? Ответить на этот вопрос оказалось не так просто. Статистические данные демонстрируют достаточно странную картину хода миграционных процессов (таблица 1). Темпы изменения численности мигрантов с различных территорий носят во многом хаотичный характер, с трудом поддающийся объяснению. Для выходцев с Северного Кавказа пик роста численности приходится на межпереписной период 1979-1989 гг. Это не совпадает с информацией, полученной от этнических организаций города, от информантов, а также с миграционной динамикой, характерной для московского мегаполиса. Во всех этих случаях консистентно воспроизводится представление о динамике, характеризующиеся ощутимым подъемом в период непосредственно после

распада СССР и дальнейшим снижением темпов миграции при сохранении в большинстве случаев ее положительного сальдо. Абсолютные цифры из различных источников также различаются в разы.

Таблица 1. Число (в тыс. человек) и темпы прироста (в % по отношению к прошлой переписи) представителей народов Средней Азии, Закавказья, Молдавии и Северного Кавказа) в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

	1970		1979		1989		2002		2010		2021	
	число, тыс. чел.	число, тыс. чел.	темпы, %	число, тыс. чел.	темпы, %	число, тыс. чел.	темпы, %	число, тыс. чел.	темпы, %	число, тыс. чел.	темпы, %	
Армяне	7,3	9,9	36	13,8	40	24,7	78	27,1	10	20,9	-23	
Азербайджанцы	1,9	5,3	185	13,7	157	20,5	49	22,3	9	20,2	-9	
Узбеки	3,3	6,3	88	9,1	44	4,0	-56	27,1	579	20,0	-26	
Таджики	1,2	0,7	-37	2,5	217	3,3	32	15,0	361	14,5	-4	
Дагестанцы*	0,9	1,9	118	5,5	190	7,7	39	10,4	35	10,9	5	
Грузины	4,2	5,3	26	8,6	61	11,5	36	9,8	-16	7,6	-23	
Казахи	2,2	3,3	52	7,4	125	3,6	-51	4,3	18	6,4	58	
Киргизы	0,4	0,7	69	3,3	386	0,7	-79	4,2	495	6,6	50	
Молдаване	4,0	4,7	18	7,3	54	5,3	-27	9,9	85	4,4	-56	
Осетины	1,4	2,0	48	2,9	47	3,3	12	3,8	16	2,7	-28	
Чеченцы	0,4	0,6	71	1,3	100	2,2	72	1,9	-16	2,1	10	
Кабардинцы	0,3	0,3	51	0,8	114	0,7	-15	1,4	105	1,1	-23	
Ингуши	0,1	0,2	74	0,4	106	0,9	134	1,1	33	0,8	-32	

Источник: Переписи 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 и 2021 г.

Примечание: * - под «дагестанцами» подразумеваются аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы, агульцы, рутульцы, цахуры.

В то же время из альтернативных источников подтверждается информация о том, что мигранты из Центральной Азии и Закавказья более массово представлены в Санкт-Петербурге, чем мигранты из северокавказских республик, а также о доминировании дагестанцев в миграции с Северного Кавказа. Представители этнических организаций озвучивали следующие данные о численности мигрантов (которые, по их словам, согласуются с информацией МВД РФ):

- дагестанцы: около 60 тыс. человек в Санкт-Петербурге и 20-25 тыс. в Ленинградской области;
- осетины: примерно 25 тыс. человек совокупно в Санкт-Петербурге и Ленинградской области;
- ингуши: примерно 5 тыс. человек совокупно в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

От чеченского представительства получить данные не удалось, другие информанты озвучивали цифру в 10 тыс. человек.

Выделенные на основе анализа полевых данных основные миграционные потоки с Северного Кавказа в постсоветский период достаточно типичны для крупных городов (Benton-short, Price, Friedman 2005). Во-первых, это образовательная миграция.

Наиболее востребованы в Санкт-Петербурге учебные заведения медицинского, строительного и военного профилей, а также экономические и юридические специальности, горное дело. Во-вторых, это трудовая миграция низкоквалифицированных кадров. Выходцы с Северного Кавказа в основном представлены в охране, строительстве, на транспорте, в торговле, сфере ЖКХ. В-третьих, это трудовая миграция высококвалифицированных кадров. Судя по всему, достаточно массово мигрируют медицинские работники. По оценкам руководителя организации «Врачи Дагестана», только из этой республики в Санкт-Петербурге работают около 300 специалистов. В-четвертых, это брачная миграция. Традиционный вариант подобной миграции – жены с Северного Кавказа переезжают вслед за мужьями. Часть информантов-мужчин отмечали, что находили жен у себя на родине, часто в родных сёлах, и привозили их в Санкт-Петербург, где они становились домохозяйкам либо включались в учебный или трудовой процесс. Однако в интервью звучали и другие варианты: инициаторами миграции могли становиться женщины. Например, приводились примеры, когда молодые люди женились на студентках питерских медицинских вузов и переезжали в город, чтобы дать им возможность закончить образование и получить профессиональный опыт.

Упоминались и другие особенности миграционных траекторий. Выделялись случаи, когда переезд был связан с необходимостью получения квалифицированной медицинской помощи. Встречались примеры, когда молодые люди оставались в Санкт-Петербурге после службы в армии. Целенаправленная миграция с целью предпринимательства, судя по всему, не является особо популярным вариантом, при этом немало переехавших в конце концов находят себя именно в сфере бизнеса.

Результаты исследования

Мигранты первого поколения – миграционный шок и стратегии адаптации

Некоторые из наших собеседников утверждали, что вписались в город достаточно легко и безболезненно, однако большинство информантов признавали, что прошли через тяжелый этап миграционного шока или первичной адаптации. Этот этап включал поиски жилья, работы, а также выбор стратегии аккультурации в чуждой культурной среде.

Как показало исследование, родственные и этнические связи играют немалую роль в решении о миграции и в преодолении первичного миграционного шока. Так, молодежь, особенно девушек, отправляют учиться в Санкт-Петербург в основном тогда, когда там есть родственники или близкие друзья, те, кто может за ними присмотреть. *«Кто хочет отправить [ребенка учиться], он отправляет туда, где чувствует надежность, что там ребёнок будет под защитой. По этим критериям и отправляют»* (муж., сред. возр.¹, ингуш). Трудоустройство также во многом происходит по родственным и этническим каналам. *«Обычно как приезжают. Приезжают сначала договариваются на месте либо через родственников, либо через знакомых – ну, типа, приезжай, здесь есть такая-то работа»* (муж., сред. возр., ингуш). Новые мигранты часто на первых порах селятся у родственников или друзей.

Однако исследование позволило выявить и другие миграционные траектории, лишь частично основанные на связях в отправляющем сообществе либо вообще

---

¹ Ориентировочные возрастные интервалы, используемые при характеристике информантов: 15-35 лет - молодой возраст; 36-55 - средний возраст; старше 55 - старший возраст.

построенные автономно. Так, северокавказские мигранты активно пользуются современными инструментами поиска работы: рассылают резюме, ходят на собеседования, пользуются системами онлайн-рекрутинга (Superjob, Headhunter). Причем это характерно не только для высококвалифицированных кадров (в частности, медиков), но и для «синих воротничков». Информанты упоминали, что находили через интернет возможности трудоустройства по специальностям автомеханик, охранник.

При этом северокавказские мигранты далеко не всегда сразу находят себя в непривычной среде. Так, многие из них упоминали частые смены работы (одна информантка говорила, что меняла работу пять раз), неудачные попытки начать бизнес, длительные периоды «простоя». Опыт трудоустройства нередко воспринимался как травматичный: *«Не впасть в депрессию было очень сложно»* (жен., сред. возр., осетинка). Были случаи, когда мигрантам удавалось преодолеть эти трудности, только когда они выходили за рамки этнических сетей и расширяли круг своих контактов. Нередко упоминались и проблемы с жильем: не все сразу находили удобное место с точки зрения доступности необходимой инфраструктуры (школ, детских садов), некоторые в течение достаточно длительного времени вынуждены проживать скученно на небольшой площади. Приобретение собственного жилья осложняется тем, что мигранты, строго соблюдающие исламские нормы, не могут позволить себе взять ипотеку.

Вышеперечисленные трудности, важные для понимания истоков первичного миграционного шока, в то же время в основном не являются характерными именно для мегаполисов. Лишь распространенность современных механизмов поиска работы можно рассматривать как особое свойство крупных городов. Что же касается культурной адаптации, здесь специфика мегаполиса, судя по всему, ощущается более явно. Информанты выделяли два фактора, влияющие на процесс их аккультурации: дискриминация и культурная дистанция.

Судя по результатам исследования, достаточно многие северокавказские мигранты в той или иной форме сталкивались с дискриминацией. В первую очередь при приеме на работу, когда дело касалось силовых структур либо была необходимость проходить контроль службы безопасности. *«Вообще никуда меня не брали, причем собеседование проходило нормально, я видел, что люди в принципе готовы меня взять, но служба безопасности меня не пропускала или еще что-то. То есть, вот этот мой паспорт [дагестанская прописка] работал против меня»* (муж., мол. возр., дагестанец). Также при аренде жилья, выдаче кредитов. Слово «чурка» и другие обидные прозвища приходилось слышать значительному числу информантов, иногда даже в образовательных учреждениях: *«жаль, что на паре сидят чурки»*. Собеседников обижало также, что многие люди не знали, что Дагестан или Осетия – это Россия, и относились к ним как к иностранцам, создавая ощущение, что они здесь гости.

В то же время практически все информанты говорили, что дискриминация в Санкт-Петербурге в меньшей мере характерна для повседневных отношений между людьми и в целом не носит системного характера. Девушка, утверждавшая, что преподаватель в вузе назвала ее чуркой, тут же оговорилась, что другие наставники относились к ней вполне позитивно, рассказывали, что на Кавказе красиво, что они хотят туда поехать, что у них там есть друзья. Те, кто имел опыт проживания в менее крупных городах, отмечали преимущества Санкт-Петербурга с этой точки зрения. Так, дагестанка в хиджабе подчеркивала принципиальные отличия в восприятии ее культурной инаковости

в Рязани, где она жила до этого, и в Петербурге, где она учится сейчас: *«В Рязани очень часто сталкивалась с неприятными ситуациями. Просто могла ходить по улице, никого не трогать, и слышать вслед какие-то неприятные слова»*. Ей пришлось испытать предвзятое отношение в университете, трудности в устройстве на работу, причиной чего в открытую объявляли «платок». В Петербурге же ничего подобного не случилось: *«Мне нравятся люди, на самом деле. Люди добрее, нежели там. Нравится вуз. Нравится в целом отношение в вузе по сравнению с тем, где я была до этого»*.

Более того, информанты вполне допускали, что сами преувеличивают негативное отношение к ним в городе, проявляя тем самым свои собственные комплексы: *«Возможно, как будто бы мы думаем, что этот стереотип есть, а его, может быть, на самом деле и нет, и нам кажется, что к нам так относятся»* (жен., мол. возр., дагестанка). И практически не было тех, для кого отдельные факты дискриминации испортили бы позитивное отношение к городу в целом: *«Климат очень сложный. Но город шикарный, что ни говори. Все возможности есть. Все можно делать. ... Здесь карьера. Здесь образование»* (муж., мол. возр., дагестанец).

А вот культурная дистанция воспринималась как проблема подавляющим большинством мигрантов первого поколения. Непривычные, а то и вызывающие возмущение и отторжение нормы, образ жизни, отношения между людьми в мегаполисе делали вопросы аккультурации весьма актуальными. Из проведённых интервью удалось выделить следующие культурные паттерны, которые, по мнению информантов, существенно отличались в принимающем и отправляющем сообществах:

- на Кавказе другое отношение к старшим. В Петербурге старшему могут не уступить место, грубо ответить;
- на Кавказе другое отношение к женщине, ее защищают и оберегают. Здесь равноправие, женщине приходится быть сильной;
- на Кавказе девушки скромно одеваются, здесь не так;
- на Кавказе другое отношение к гостям;
- на Кавказе другое отношение к соседям: принято тесно общаться, здесь такого нет;
- на Кавказе другое отношение к окружающим. Могут незнакомого человека домой отвезти, помочь. Здесь нет;
- на Кавказе другие подходы к воспитанию детей, им стремятся привить традиции, уважение к старшим, недопустимость вредных привычек. Здесь школьники могут курить, ругаться матом, причём в присутствии взрослых;
- на Кавказе другие нормы в отношении проведения свободного времени. Здесь задерживаются допоздна, ходят в ночные клубы, напиваются, курят, тесно общаются с противоположным полом. На Кавказе это считается недопустимым;
- на Кавказе в ресторане все скидываются на общий стол или один платит за всех. В Петербурге принято, чтобы каждый платил за себя.

При этом не все культурные различия оценивались информантами негативно. Некоторые отмечали, что жизнь в Петербурге проще по сравнению с Северным Кавказом, где традиции и нормы давят на человека, требуя от него соответствия заданным культурой моделям поведения: *«До того момента, пока сюда приехал, я чуть такой был, ну, с характером таким жестким вообще. Сюда приехал – вижу, да вообще все просто. У нас менталитет другой, Вы сами понимаете, что надо все как положено. ... Здесь чуть можно как-то проще разругать любой разговор. У нас невозможно, у нас чуть тяжело»*.

У нас тоже можно, но тяжело. Здесь чуть проще. Жить проще здесь. Бизнес иметь здесь тоже проще» (муж., мол. возр., дагестанец). Отмечалась и большая толерантность к различиям, о которой уже шла речь выше: *«Тут просто слишком много разных людей, начиная от фриков. Люди, которые начали самовыражаться. Поэтому человек в хиджабе – это уже нормально»* (жен., мол. возр., дагестанка). Тем не менее ощущение чуждости культурного окружения и вызываемые этим негативные эмоции достаточно остро переживались информантами: *«Очень сложно адаптироваться культурно, ментально сложно сейчас в русском, в российском обществе, потому что само общество, культурное его содержание, оно очень низкое. День ото дня оно опускается»* (муж., стар. возр., чеченец).

Как реагируют на культурную дистанцию новые переселенцы в город? Исследование позволило выделить три модели подобной реакции.

Во-первых, это стратегия сепарации – стремление окружить себя выходцами из схожей культурной среды и максимально ограничить контакты с чужеродной культурой: *«Действительно сложно дружить с русскими, потому что другие понятия и другие понятия во всем»* (жен., мол. возр., дагестанка). Так, некоторые информанты рассказывали, что сразу по приезду целенаправленно искали людей своей этнической группы, этнические организации, где им было комфортно.

Во-вторых, это культурная экспансия, т. е. желание навязать привычные культурные нормы окружающим людям. Были информанты, рассказывавшие о собственном подобном поведении разной степени агрессивности. Так, недавно приехавший с Кавказа дагестанец пытался внушить местным, что они неправильно относятся к родителям. Информант-ингуш вспоминал, как в вузе на лекции ударил другого студента, поскольку тот неуважительно вёл себя по отношению к преподавателю. Собеседники упоминали и о том, что наблюдают подобное поведение у других мигрантов: *«Мы же видим каждый день каких-то людей с Кавказа, которые себя плохо ведут. ... Они приезжают сюда и не воспринимают других людей, которые не так одеваются или не так выглядят. Они считают, что это неправильно и надо их жизни научить, потому что в Дагестане так делают»* (жен., мол. возр., дагестанка).

Наконец, в-третьих, это попытки принять новое культурное окружение и приспособиться к нему: *«Время понадобилось на адаптацию. ... Потихоньку принимал, внутренне принимал то, что для кого-то это приемлемо. ... Он [местный] так вырос, он так воспитывался. То есть под меня никто подстраиваться не будет. То есть каждый человек индивидуален, каждая культура индивидуальна, и поэтому просто мне пришлось адаптироваться и воспринять такую, как оно есть. ... И потом, со временем ... мне очень здесь понравилось, и считаю – это второй дом мой»* (муж., мол. возр., осетин). В результате то, что раньше воспринималось как «неправильно», постепенно становится просто «по-другому».

Необходимо отметить, что данные модели не являются альтернативными. Мигрант может стремиться навязать окружающим нормы, которые считает правильными, и при этом понимать, что ему тоже надо меняться. Либо учить себя принимать чуждый культурный контекст, но все равно предпочитать общаться с людьми своей этнической группы.

Важно также, что стратегия сепарации свойственна мигрантам первого поколения не только в период миграционного шока, но и за пределами этапа первичной адаптации. Даже те, кто в ходе миграции не зависел от этнических сетей (например, высококвалифицированные кадры, освоившие современные инструменты трудоустройства), могут не до конца принимать городскую культуру и предпочитать общение в привычной культурной среде, не особо сближаясь с коллегами по работе. При этом в ряде случаев на первое место выдвигается именно культурная, а не этническая или территориальная общность. Так, информанты утверждали, что, если человек других этнических корней способен воспринять кавказскую культуру, с ним можно создавать семью. Приводились даже конкретные примеры: например, грек, который так проникся осетинской культурой, что воспитывает сына в традициях этого этноса. Однако подобные внутренние установки не всегда реализуются на практике: *«Очень много межнациональных браков. Хотя все равно, наверно, изначально все родители и вся там сама даже молодежь, они рассматривают вариант своей национальности, пока дело не доходит до дела. А когда уже любовь, тут никуда не денешься»* (жен., сред. возр., дагестанка). При этом у чеченцев и ингушей ориентация на браки в рамках собственного этноса проявляется сильнее, чем у других этнических групп.

В то же время ряд мигрантов первого поколения, в первую очередь студенты, переехавшие в Петербург в достаточно молодом возрасте, придерживаются стратегии интеграции. Их круги общения, в том числе близкого и дружеского, более полиэтничны, а культуры отправляющего и принимающего сообщества уже не воспринимаются как разделенные непроходимой стеной: *«У меня русские подружки. Они не курят, не пьют и не ходят в ночные клубы»* (жен., мол. возр., дагестанка); *«Так же, как и среди кавказцев, среди русских есть разные люди. Есть кавказцы, которые ходят в клубы и пьют. Есть русские, которые этого не делают. То есть у меня тоже есть друзья русские»* (жен., мол. возр., дагестанка). Такие мигранты часто нацелены на использование потенциальных возможностей продвижения, связанных как с этническим окружением, так и с принимающим сообществом. Они могут, например, сочетать деятельность в этнических организациях с задействованием потенциала контактов, наработанных за время учебы. По меньшей мере два информанта из нашей выборки строят достаточно успешную карьеру, полностью подчинив себя авторитетному преподавателю, продвигающему их на позиции, которые они вряд ли смогли бы самостоятельно занять столь быстро. Выбор стратегии интеграции сближает данную группу мигрантов первого поколения с мигрантами второго поколения, о которых пойдет речь ниже.

Была выявлена также стратегия аккультурации, связанная с вписыванием в субкультурные общности, не совпадающие ни с этнической культурой, ни с мейнстримом принимающего сообщества. Одним из подобных вариантов является социализация в исламском окружении. Ее суть хорошо видна при рассмотрении брачных стратегий: *«Я рассматриваю обязательно человека своей религии... Если человек не схож со мной в религиозных взглядах, с таким человеком я не смогу по жизни пойти. Обязательно моей религии, но неважно, какой национальности будет этот человек. Абсолютно не важно»* (жен., мол. возр., дагестанка). Обращает внимание, что подобная аккультурация является (по меньшей мере, может являться) эмансипационной. Информанты подчеркивали самостоятельность выработанной по данному вопросу позиции, ее автономность от транслируемых родителями ценностей: *«При выборе супруга самое главное, чтобы совпала религия. И не потому, что так говорят мои родители,*

потому, что так хочу я» (жен., мол. возр., дагестанка); «Мои родители мне прививали с детства, что мой будущий супруг все-таки должен быть нашей национальности. Мое мнение личное менялось с подросткового возраста до текущего момента, менялось несколько раз с тем, как я росла. И в итоге я пришла к выводу, что все-таки свяжу жизнь с человеком, который будет хотя бы моей религии» (жен., мол. возр., дагестанка).

Мигранты второго поколения – интеграция и ассимиляция

Та же культурная дистанция, которая предопределяет стремление мигрантов первого поколения замкнуться в привычном окружении, формирует предпосылки для межпоколенческого разрыва. В отличие от своих родителей, северокавказские мигранты второго поколения с малолетства воспринимают городские культурные паттерны и в условиях отсутствия системной дискриминации вполне органично в них встраиваются: *«Может быть, потому, что я здесь родилась и, соответственно, садик, школа – я здесь привыкла. Мне комфортно. Мне везде комфортно» (жен., мол. возр., дагестанка).* Доминирующими стратегиями аккультурации здесь выступают ассимиляция и интеграция.

Круги общения мигрантов второго поколения строятся совсем иначе, чем их родителей: этническая принадлежность не играет в них существенной роли. Например, один из студентов-информантов живет отдельно от старших, делая квартиру с соседом-индусом. Некоторые вообще не стремятся устанавливать связи с членами этнического сообщества – не видят такой потребности (исключением являются родственники, с ними поддерживаются тесные связи): *«С кавказцами особо чего-то не общаюсь. Их вообще мало вокруг меня» (жен., мол. возр., осетинка).* Другие поддерживают тесные отношения в том числе и с представителями своей этнической группы, однако для них это не является способом сепарации, скорее таким образом вполне осознанно используются выгоды семейного и этнического социального капитала: *«В жизни отношения с дагестанцами и недагестанцами абсолютно одинаковые. У нас нету никаких границ, кроме религии. Все остальное у нас абсолютно адекватно [судя по всему, имеется в виду «идентично»], совместно, нет никаких сложностей в общении, предвзятости какой-то я никакой не ощущаю» (муж., мол. возр., дагестанец).* В выборе брачного партнера во многом сохраняется ориентация на свою этническую группу (хотя религиозная общность важнее этнической), однако создается впечатление, что здесь это скорее не дань традиции, а опять же рациональное желание избежать ненужных сложностей и конфликтов: *«Вообще хотелось бы, конечно, чтобы это была девушка с Кавказа. ... Проще, на самом деле, когда у тебя свои и все понимают, чего от тебя требуется, что ты хочешь, что ты должен». Хотя подобные установки не являются жесткими: «Всякое бывает в жизни. В кого влюбишься» (муж., мол. возр., дагестанец).*

Межпоколенческий разрыв достаточно остро ощущается и первым, и вторым поколением мигрантов: *«Их учат не отец-мать..., а учит Интернет. И вот здесь дети по-другому мыслят. Они очень прагматичные» (муж., стар. возр, ингуш); «Я боюсь, что они [дети] будут [пару] сами искать. Боюсь, что не будут к нам прислушиваться. Потому что они здесь родились, фактически здесь росли, у них свое виденье» (муж., стар. возр., дагестанец); «Основные самые такие решения, от которых будущее будет зависеть, я стараюсь принимать сам. Потому что, если ты даёшь выбирать за себя,*

ты потом можешь столкнуться с тем, что будущее твоё тебе будет не нравиться» (муж., мол. возр., дагестанец). В разговорах информанты утверждали, что старшие по-прежнему осуществляют контроль в семьях: могут дать или не дать ребёнку возможность выбрать профессию, одобрить или не одобрить кандидатуру брачного партнёра, настаивать на браке в определенном возрасте. Однако конкретные примеры подобного влияния были единичны, в основном дети сами определяли свою судьбу: *«Сейчас же другое время, сейчас все свободлюбивые, особенно нынешняя молодежь, им вообще полностью карт-бланш даётся. Делай, что хочешь, по жизни. Выбирай любую дорогу, мы поддержим»* (муж., мол. возр., чеченец). Создается впечатление, что межпоколенческий разрыв столь велик, что родители далеко не всегда понимают, чего хотят их дети и почему совершают те или иные поступки, и потому оказываются не способными их контролировать. Да и возможностей для этого у них немного – обустройство на новом месте отнимает немало времени и сил. Некоторые мигранты говорили, что толком не видели, как растут дети – уходили на работу, когда те еще спали, и возвращались, когда уже спали.

Изменение модели межпоколенческих отношений можно проиллюстрировать следующим примером. Осетинка, мигрантка первого поколения, взрослая женщина, приехавшая в Петербург в 2016 г., утверждала, что ее мама, живущая в Осетии, всегда знает, где она бывает, во сколько возвращается домой. Несмотря на возраст информантки и расстояние, родительский контроль сохраняется: *«В силу ментальности нас очень опекают родители, особенно девочек. ... Оберегают, защищают»*. Отношения с родителями девушки-осетинки, родившейся в Петербурге, строятся совсем по-другому. Поступив на филфак, информантка через полгода поняла, что учиться ей не интересно. Однако родители настаивали, чтобы она продолжала получать образование. Промучившись ещё полтора года, девушка все же бросила институт и устроилась на работу. Но родителям об этом не говорила в течение года. Сама решила, что поступать будет в Политехнический, стала готовиться, сдавать дополнительные предметы ЕГЭ. С родителями объяснилась лишь тогда, когда накопила достаточно денег, чтобы в случае серьезного скандала уйти из семьи и снять квартиру. До этого, правда, не дошло. Девушка успешно поступила в выбранный вуз, учится и работает.

Потеря влияния, неспособность противопоставить что-либо воздействию городской культуры во многих случаях воспринимаются старшими болезненно. Одну из стратегий противодействия этому мигранты первого поколения, не настроенные на интеграцию, видят в том, чтобы хотя бы на время отправить ребёнка обратно на Северный Кавказ: *«Пацан чтобы здесь не вырос. ... Остальное воспитание уже дома пойдёт. Все равно здесь он, хоть с нами будет, в школе больше времени проводит. Понятия, друзья у него, мышление другое»* (муж., сред. возр., дагестанец). Однако реализации этой стратегии препятствует желание дать детям хорошее образование. Да и само младшее поколение, прошедшее петербургскую социализацию, по имеющейся информации, чувствует себя на Кавказе достаточно неуютно и при первой возможности стремится вернуться обратно.

Трансмиграция и ее роль в аккультурации

Одним из важных инструментов влияния свойственных северокавказским общностям норм и традиций является сохранение тесных связей с отправляющим сообществом, что характерно для мигрантов любого поколения. На родину большинство собеседников ездят достаточно часто, по несколько раз в год (проведать родителей, для участия в

свадьбах, похоронах). Молодежь регулярно проводит там каникулы. Среди северокавказских общин принято хоронить умерших в Петербурге на родине. Там же, по имеющимся сведениям, часто проводят свадьбы. Связи с отправляющим сообществом в основном воспринимаются очень позитивно. Информанты называли свой родной регион местом силы, источником энергии: *«Там я напитываюсь энергией именно рода своего»* (жен., мол, возр., дагестанка). У некоторых на родине остались лучшие друзья, с которыми до сих пор поддерживаются тесные отношения. В кризисные периоды поддержка (и психологическая, и финансовая) оставшихся на Кавказе родных и друзей играет для мигрантов исключительно важную роль.

Однако по мере адаптации в Петербурге у некоторых информантов (причем не только второго, но и первого поколения) отношение к визитам на родину менялось. Теперь уже культурные паттерны отправляющего сообщества, его ценности, рутины, темп жизни могут вызывать неприятие: *«Там уже ты чувствуешь себя в гостях, а в гостях долго находиться [не хочется]... К себе домой хочется. Здесь свое, свой дом»* (жен., сред. возр., дагестанка); *«Просто немного менталитет уже другой и ценности какие-то другие. И взгляды на жизнь, наверное, ... с родственниками, которые у меня там есть»* (жен., мол. возр., дагестанка); *«Просто мне сложно, когда я приезжаю в выходные, каникулы, прямо хочется обратно в Питер. ... В Питере каждый день ты как-то прогрессируешь как бы»* (муж., мол. возр., ингуш); *«Человек меняется, а место, откуда он уехал, остаётся тем же. Приезжаешь туда, видишься только с родственниками, а потом до конца отпуска как-то скучновато бывает. Нет занятия, нечем заниматься. Работа, учеба здесь. Привыкаешь к этому режиму»* (муж., мол. возр., дагестанец).

Сохраняющиеся тесные связи с северокавказскими регионами создают для мигрантов дополнительные жизненные развилки, не предопределяя однозначно, что Петербург окончательно станет их новой родиной. Возвращение на Северный Кавказ возможно на разных этапах жизненной траектории. У кого-то вообще не получается закрепиться в городе; кто-то собирается уехать после окончания вуза; кто-то возвращается, заработав деньги (например, на свадьбу). Некоторые строят планы по возвращению с возрастом, когда выйдут на пенсию. У кого-то момент возвращения определяется обязательствами, существующими на родине, например необходимостью помощи престарелым родителям. При этом не всегда первоначальные планы реализуются – были информанты, которые приехали в Петербург на заработки, но в результате осели надолго. Для некоторых переезд домой оказывался временным: преодолев жизненный кризис, человек возвращался в Петербург.

Подобные варианты жизненных стратегий характерны в первую очередь для первого поколения мигрантов. Планы мигрантов второго поколения в основном иные. Некоторые твердо решили остаться в Петербурге. Одна информантка рассказывала, что родители, переехавшие из Дагестана 35 лет назад, мечтают выйти на пенсию и вернуться, строят дом в селе. Однако она не собирается к ним присоединяться: *«Лично я планирую ездить к ним в гости, но сама там жить не планирую»* (жен., мол. возр., дагестанка). Есть и те, кто думает совмещать жизнь и работу и в Петербурге, и на родине, современные дистанционные технологии это позволяют. Кто-то готов уехать туда, где есть лучшие перспективы: *«Для меня место жизни не так важно в принципе. Главное, чтобы условия были хорошие»* (муж., мол. возр., дагестанец) Но все равно хотел бы время от времени возвращаться на Кавказ. Лишь одна информантка из мигрантов не первого поколения выразила чёткое желание вернуться и осесть в отправляющем регионе.

Выводы

Проведённое исследование демонстрирует, что специфика адаптации мигрантов в мегаполисе во многом определяется особенностями его культуры: свойственными ей индивидуализмом, автономией личности, гетерогенностью ценностей, норм и образов жизни. Подобные характеристики, с одной стороны, могут смягчать (но не предотвращать) проявления дискриминации, а с другой – создавать для мигрантов проблемы, связанные с культурной дистанцией между отправляющим и принимающим сообществами.

Первое и второе поколения северокавказских мигрантов реагируют на культурную дистанцию по-разному. Для мигрантов первого поколения характерен выбор сепарации как стратегии аккультурации – чуждость культуры мегаполиса толкает их к обособлению и стремлению замкнуться в привычной культурной среде. Два других варианта – это стратегия интеграции, сочетающая сохранение принадлежности к этнической культуре со стремлением вписаться в принимающее сообщество, что, как показывает исследование, свойственно части мигрантов-студентов, а также включение в городское сообщество через субкультуры, в частности исламскую. Второе поколение в условиях отсутствия системной дискриминации вполне органично воспринимает городскую культуру и становится ее частью, используя стратегии интеграции и ассимиляции. Это предопределяет наличие глубокого межпоколенческого разрыва между двумя поколениями северокавказских мигрантов.

Феномен трансмиграции оказывает ощутимое влияние на процессы адаптации мигрантов. Сохраняющиеся у разных поколений тесные связи с отправляющими сообществами способствуют продолжающейся трансляции норм и ценностей этих сообществ в мигрантской среде. В то же время аккультурация в мегаполисе толкает мигрантов к более критичному восприятию культуры отправляющего сообщества: теперь уже его ценности и рутины начинают восприниматься как чуждые и некомфортные.

Таким образом, некоторые выводы предшествующих работ по северокавказской миграции в мегаполисы не подтвердились либо подтвердились лишь частично. Так, исследование не выявило оснований утверждать о доминировании интеграции мигрантов: стратегии аккультурации оказались дифференцированными внутри и между поколениями, при этом первое поколение мигрантов тяготеет к сепарации, а второе – к ассимиляции. Также не нашел подтверждения тезис о широком распространении ксенофобии и дискриминации мигрантов: с подобными фактами сталкивались многие информанты, однако они не были определяющими в выстраивании отношений мигрантов с принимающим сообществом. Особенности культуры мегаполиса, ее гетерогенность как раз препятствуют возникновению системной дискриминации. Подтвердилось утверждение о значимой доле этнических сетей в подготовке и осуществлении миграции, однако были определены и альтернативные механизмы первичной адаптации мигрантов. Различия с другими работами в выявленных тенденциях могут определяться разницей методологии исследования и анализа. В частности, тем, что качественные полевые исследования способны продемонстрировать более нюансированную картину и вычлнить взаимосвязи, ускользающие при использовании другого исследовательского инструментария, однако уязвимы к искажениям, связанным с построением выборки и относительно малой численностью информантов.

Литература

- Абашин С.Н. (2016). И здесь, и там: Транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию. В С.А. Панарин (Ред.), *Восток на Востоке, в России и на Западе. Трансграничные миграции и диаспоры* (сс. 159–176). СПб: Нестор-История.
- Александров Д.А., Баранова В.В., Иванюшина В.А. (2012). Дети и родители—Мигранты во взаимодействии с российской школой. *Вопросы образования*, 1, 176–199. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-176-199>
- Баранова В.В. (2012). Языковая социализация детей мигрантов. *Антропологический форум*, 17, 157–172.
- Баранова В.В., Федорова К.С. (2017). (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга. *Городские исследования и практики*, 2(1), 103-121.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л. (2014). Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 104-114. <https://doi.org/10.14515/MONITORING.2014.3.06>
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Ермакова М.А. (2020). Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? *Социологическое обозрение*, 19(2), 225–253. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-2-225-253>
- Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. (2019). Социальное пространство Москвы: Особенности и структура. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 6, 3-17. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201963-17>
- Вендина О.И. (2004). Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, 3 (71), 52–64.
- Винер Б.В. (1998). Этническая идентичность у крупнейших меньшинств современного Санкт-Петербурга (по результатам полевого исследования 1997–1998 гг.). *Мир России. Социология. Этнология*, 8(1–2), 227–280.
- Винер Б.Е., Тавровский А.В. (2009). Мигранты на рынках труда в Санкт-Петербурге. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 12(4), 97–121.
- Зайончковская Ж.А. (2013). Миграция в современной России. В Ж.А. Зайончковская, С.И. Иванов (Ред.), *Миграция в России 2000-2012* (сс. 16-32). М: Издательство «Спецкнига».
- Казенин К.И., Стародубровская И.В. (2021). Дагестанские мигранты в Астрахани: Опыт исследования интеграции. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4, 405–428. <https://doi.org/10.14515/MONITORING.2021.4.1901>
- Капустина Е.Л. (2019). Границы джамаата: особенности функционирования дагестанских транслокальных сообществ в условиях внутрироссийской миграции. *The Journal of Social Policy Studies*, 17(1), 103-118. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-103-118>
- Кузнецова А.Р. (2019). Тенденции образовательной миграции в Российской Федерации. *Siberian Socium*, 3(2), 52-65. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-2-52-65>

- Лепшокова З.Х. (2020). Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве. *Общественные науки и современность*, 3, 124–138. <https://doi.org/10.31857/S086904990010074-3>
- Мукомель В.И. (2015). Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе. *Федерализм*, (1), 79-92.
- Пешкова В.М. (2015). Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве). *Мир России. Социология. Этнология*, 24(2), 129–151.
- Руденко А.А. (2011). Социальная адаптация трудовых мигрантов в строительной отрасли Санкт-Петербурга. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(4), 86-104.
- Юхнева Н.В. (1984). Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX — начало XX века. Л.: Наука.
- Ярков А.П. (2013). Чеченцы в Тюменском крае: возможности адаптации. *Диаспоры*, 1, 158–172.
- Benton-short L., Price M.D., Friedman S. (2005). Globalization from Below: The Ranking of Global Immigrant Cities. *International Journal of Urban and Regional Research*, 29(4), 945–959. <https://doi.org/10.1111/J.1468-2427.2005.00630.X>
- Berry J.W. (1992). Acculturation and Adaptation in a New Society. *International Migration*, 30(1), 69–85. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.1992.tb00776.x>
- Berry J.W. (2001). A Psychology of Immigration. *Journal of Social Issues*, 57(3), 615–631.
- Berry J.W. (2006). Stress perspectives on acculturation. In D.L. Sam, J.W. Berry (Eds.), *Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* (pp. 43–57). Cambridge: Cambridge University Press.
- Berry J.W. (2019). *Acculturation: A personal journey across cultures*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. E. (2006). Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts. Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
- Bessudnov A., Shcherbak A. (2020). Ethnic discrimination in multi-ethnic societies: Evidence from Russia. *European Sociological Review*, 36(1), 104-120. <https://doi.org/10.1093/esr/jcz045>
- Brickell K., Datta A. (2011). *Translocal geographies*. Farnham: Ashgate Publishing, Ltd.
- Demintseva E. (2017). Labour migrants in post-Soviet Moscow: Patterns of settlement. *Journal of ethnic and migration studies*, 43(15), 2556–2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>
- Denisenko M.B. (2017). Migration to Russia and Current Economic Crises. In A. Pikulicka-Wilczewska, G. Uehling (Eds.), *Migration and the Ukraine Crisis: A Two-Country Perspective* (pp. 129-148). Bristol: E-International Relation Publishing.
- Lacy K.R. (2004). Black spaces, black places: Strategic assimilation and identity construction in middle-class suburbia. *Ethnic and Racial Studies*, 27(6), 908–930. <https://doi.org/10.1080/0141987042000268521>

- Portes A., Guarnizo L.E., Landolt P. (1999). The study of transnationalism: Pitfalls and promise of an emergent research field. *Ethnic and Racial Studies*, 22(2), 217–237.
<https://doi.org/10.1080/014198799329468>
- Portes A., Rumbaut R.G. (2001). *Legacies: The story of the immigrant second generation*. University of California Press.
- Portes A., Zhou M. (1993). The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 530, 74–96.
- Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992). Towards a definition of transnationalism. Introductory remarks and research questions. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 645(1), 9–14.
- Silberman R., Alba R., Fournier I. (2007). Segmented assimilation in France? Discrimination in the labour market against the second generation. *Ethnic and Racial Studies*, 30(1), 1–27.
<https://doi.org/10.1080/01419870601006488>
- Tedeschi M., Vorobeva E., Jauhiainen J.S. (2020). Transnationalism: current debates and new perspectives. *GeoJournal*, 87(2), 1-17.
- Vermeulen H. (2010). Segmented assimilation and cross-national comparative research on the integration of immigrants and their children. *Ethnic and racial studies*, 33(7), 1214-1230.
<https://doi.org/10.1080/01419871003615306>
- Vertovec S. (1999). Conceiving and researching transnationalism. *Ethnic and racial studies*, 22(2), 447-462. <https://doi.org/10.1080/014198799329558>
- Veterinarov V., Ivanov V. (2018). Slavs Only: Ethnic Discrimination and Rental Prices. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/SSRN.3249624>
- Zhou M. (1997). Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation. *The International Migration Review*, 31(4), 975–1008.
<https://doi.org/10.1177/019791839703100408>